

ЭМОТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ПОЗНАЮЩЕЙ И СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ

В.И. Шаховский, П.С. Волкова

Целью статьи является анализ сознания языкового носителя, представленного на уровне единства невербального и вербального в коллективном и индивидуальном сознании. С одной стороны, такое единство видится обусловленным механической целостностью процессов накопления и переработки информации, реализуемых посредством *самоорганизации* индивидуальной концептуальной системы. Имеется в виду познающая деятельность сознания, в рамках которой невербальные элементы системы интерпретируются вербальными в опоре на актуальные эмотивы, функционирующие на уровне внешних знаков речевого потока. С другой стороны, данное единство являет собой результат *организации* индивидуальной концептуальной системы. Речь идет о смыслообразующей деятельности сознания как опыте реинтерпретации, осуществляемом в опоре на виртуальные эмотивы, функционирующие на уровне внутренней речи. В статье аргументируется следующий тезис: как в первом, так и во втором случае именно эмотивность выступает в качестве «пускового механизма» познающей и смыслообразующей деятельности сознания, выступая в качестве методологической базы, обеспечивающей диалог сознаний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вербальность, невербальность, индивидуальная концептуальная система, актуальные и виртуальные эмотивы, ложь, интерпретация, реинтерпретация

ШАХОВСКИЙ Виктор Иванович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, главный научный сотрудник Волгоградского государственного социально-педагогического университета. shakhovsky2007@yandex.ru

ВОЛКОВА Полина Станиславовна – кандидат филологических наук, доктор философских наук, доктор искусствоведения, профессор кафедры

социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина. polina7-7@yandex.ru

Цитирование: Шаховский В.И., Волкова П.С. Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 138–163. Режим доступа: www.tverlingua.ru

EMOTIVENESS AS A PRINCIPLE OF COGNITIVE AND SENSEMAKING ACTIVITIES OF CONSCIOUSNESS

Victor I. Shahovsky, Polina S. Volkova

The purpose of this article is to analyze the linguistic consciousness of a native speaker represented at the level of the unity of verbal and non-verbal in the collective and individual consciousness. On the one hand, this unity is seen due to the mechanical integrity of the processes of accumulation and information processing, realized by self-organization of individual conceptual system. This refers to the cognitive activity of consciousness, in which non-verbal elements of the verbal system are interpreted based on actual emotives, functioning at the level of the external signs of the speech stream. On the other hand, this unity is the result of the organization of the individual conceptual system. It is about sense making activities of consciousness as the experience of the reinterpretation, carried out in reliance on virtual emotives, functioning at the level of inner speech. The article argues the following thesis: in both the first and in the second case it is emotiveness which acts as a "trigger" of cognitive and sense making activities of consciousness, acting as a methodological framework for dialogue of consciousnesses.

KEY WORDS: verballity, non-verballity, individual conceptual framework, actual and virtual emotives, lie, interpretation, reinterpretation

SHAHOVSKY Victor I. – DSc in Philology, professor, Honored Scientist of Russia, professor, chief researcher of Volgograd State Social-Pedagogical University. shakhovsky2007@yandex.ru

VOLKOVA Polina S. – PhD in Philology, Doctor of Philosophical Science, Doctor of Arts, professor of the department of sociology and culturology of Kuban State Agrarian University after I.T. Trubilina. polina7-7@yandex.ru

Citation: Shahovsky V.I., Volkova P.S. Emotiveness as a principle of cognitive and sensemaking activities of consciousness // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 4. P. 138–163. Access mode: www.tverlingua.ru

Введение

Проблема сознания в отечественной лингвистике уже второй век исследуется, в основном, на методологической базе деятельностного подхода, предложенного Н.А. Леонтьевым (Леонтьев, 1974: 5-20; Леонтьев, 1975). Судя по необозримому количеству работ психолингвистов, все они «заиклились» на тезисе о единстве языка и сознания, на интерпретации сознания только с помощью языка, который через свои инструменты, в частности через слово, опосредует сознание. Уже аксиоматичным стал вывод о том, что единственным плодотворным путем изучения сознания является раскрытие структуры значений и смыслов, поскольку детерминантами сознания являются семиотические конструкции (знак, значение) (см. об этом: Уфимцева, 2000: 207-220).

К настоящему времени накоплено достаточно много знаний о единстве речи и мышления, языка и сознания. В свете современной когнитивной парадигмы адекватным представлением о языковом сознании человека является его единство не только с языком и деятельностью, но и с образом мира, картиной мира, менталитетом, культурой, языковой/речевой личностью (Горошко, 2001). Фактически в большинстве последних по времени работ о сознании до сих пор речь идет о языковом сознании, и даже понятия «образ мира» и «картина мира» основаны *на вербалистском толковании сознания*. Однако психолингвистам известно, что «мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев), поскольку мысль динамична и

мегафонична и, будучи трансформированной в семиотический знак, останавливается, огрубляется, омертвляется, сужается, то есть искажается (в связи с экстенсивностью научных парадигм этиологии и коммуникологии наибольший интерес у лингвистов на современном этапе развития науки вызывает понятие *коммуникативная личность* и такой её аспект, как *коммуникативная эмоциональная личность*).

Слово (как и язык) действительно может считаться инструментом сознания, но оно вряд ли ему изоморфно. Д.С. Деннет упоминает в своем труде работы психолога Ф. Кейла и его коллег из Корнелла, которые «нашли подтверждение тому, что определенные концепты высокого уровня абстракции – такие, например, как «жить», «обладать» – *генетически заложены в инструментарий мозга маленького ребенка* (выделено нами – П.В., В.Ш.); когда в мозг ребенка входит специальное слово для обозначения действий «брать», «давать», «иметь», «хранить», «прятать» и др. из этой же категории, оно находит там уже отчасти созданную для него нишу» (Деннет: 2001: 195). Разве этот факт можно объяснить вербальностью мышления и единством языка и сознания? Кто же в инструментарии мозга создал эти и им подобные ниши, как, например, представления о конструктах месторасположения объектов: «на», «рядом», «позади» и др., которыми человек оперирует инстинктивно?

Вероятно, у человека «должна существовать генетическая предрасположенность для усвоения ... преднамеренной позиции в отношении чего-то» (там же). Теория Н. Хомского о глубинных врожденных структурах, теория мыслительного модуля А. Лесли, изыскания Ф. Кейла и многих других ученых, занимающихся генетически заложенными в мозг человека определенными концептами, говорят о том, что «пытаться исключительно мыслью о включенности языка в процесс мышления» (Деннет: 2001: 196) долгие нежелательно. Дело в том, что подобный опыт с неизбежностью ограничивает продвижение науки вперед на пути изучения сознания, вследствие чего необходим переход «к рассмотрению деталей

взаимодействия <...> *довербальных информационных структур* (выделено нами – П.В., В.Ш.) и языка» (Деннет: 2001: 195).

Данный призыв давно видится ученым своевременным и плодотворным, поскольку отечественные работы последних десяти лет по исследованию сознания методологически повторяют друг друга и великих отечественных психологов прошлого, вплоть до сакрализации их идей, что довольно опасно для научной мысли, как об этом предупреждает Р.М. Фрумкина (Фрумкина, 2000: 153-171). Более или менее новыми являются данные о различиях в ядрах языкового сознания разных национальных культур. С другой стороны, «любой достаточно большой список слов-стимулов “приводит” к одному и тому же для данной культуры ядру языкового сознания, *т.е. к их системности*» (выделено нами – П.В., В.Ш.) (Уфимцева, 2000: 218-220).

Утверждая мысль, согласно которой одной из довербальных информационных структур сознания неоспоримо являются эмоции человека, нельзя не обратить внимания на экспериментальные данные, подтверждающие, что человек *до* осознания предметно-логической (фактуальной) информации, содержащейся в любом высказывании, осознает его эмоционально-оценочный компонент. Чистота эксперимента здесь определяется тем, что к сходной точке зрения приходят как профессионально занимающиеся интересующим нас вопросом исследователи, так и далекие от лингвистики ученые. Аналогично тому, как А. Бине (Binet, 1946) выдвинул и позднее верифицировал гипотезу о первоначальном возникновении мысли в форме эмоционального образа, формирующегося *до* ее речевой выраженности, Ш. Балли убеждал своих оппонентов в том, что мы *никогда* не думаем и не говорим абсолютно рассудочно (Bally, 1944). Более того, сегодня является доказанным существование эмоциональной памяти и эмоциональной антиципации. Не случайно эмоционально окрашенная информация запоминается быстрее и прочнее по сравнению с информацией равнодушной. В частности, различающие три типа памяти В. Пенфильд и Л.

Робертс, на первое место ставят именно память переживаний, т.е. эмоциональную память (Пенфильд, Робертс, 1964: 209-210). При этом ученые поясняют, что речь в данном случае идет об оживлении эмоциональных следов ранее пережитого человеком, т.е. о переносе его эмоционального опыта из одной ситуации в другую. Понятно, что речь идет о множественности таких переносов в пространстве и во времени, не утрачивающих своей актуальности на протяжении всей жизни человека.

Здесь же уместно вспомнить когнитивную теорию эмоций (Изард, 1980), в рамках которой эмоции, с одной стороны, предшествуют когнитивным процессам, с другой – «сопровождают» их. Соответственно, *эмоции являются довербальным компонентом когниции* (Goleman, 1997), выступая в качестве одной из подсистем сознания (Шпитц, Липер, Поуп, Сингер, Тарт и др. См.: Изард, 1980: 121-123). Аналогичным образом У. Грей утверждает, что именно эмоции собирают и организуют когнитивные элементы в эмоционально-когнитивную структуру, а повторение этого процесса с помощью развития иерархических уровней организации, по его мнению, закладывает фундамент для развития разума (Gray, 1973).

Несмотря на то, что такие крупнейшие авторитеты в области отечественной психологической школы, как Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, каждый по-своему соотносили эмоцию, интеллект и мышление, все они интуитивно осознавали: обозначенные феномены представляют собой определенное единство. Мысль о том, что решением этой проблемы может быть признание существования *эмоционального интеллекта*, долгое время витавшая в воздухе, получила наконец благодаря Д. Гоулману фиксацию в научных формулировках (Goleman, 1997). Контекст книги этого исследователя подчеркивает эмотивно-дискурсивную синонимичность терминов «душа», «сердце», «эмоции», «эмоциональный интеллект». Таким образом, концепт, который давно уже существовал в менталитете ученых-психологов, получил вербальное опредмечивание, что приблизило научное сообщество к ответу на

вопрос, как соотносить, соединить эмоциональную жизнь человека с его интеллектом, как привнести интеллект в эмоции.

Основная часть

Поскольку когнитивная лингвистика настаивает на том, что базовыми функциями языка являются адаптирующая и регулирующая, логично предположить, что эти же – жизнеобеспечивающие – функции присущи и эмоциональному сознанию. Эта мысль со всей очевидностью просматривается в следующих фрагментах работы Д. Гоулмана: «“Heart start” (is – П.В., В.Ш.) the emotional equivalent of the Head start programs» (Goleman, 1997: 192-194); «It is with the heart that one sees rightly: what is essential is invisible to the eye» (Goleman, 1997: 111).

Знаменательно, что более чем за десять лет до того, как книга Д. Гоулмана увидела свет, в 1983 году Р. Павиленис в работе «Проблема смысла» пишет об индивидуальной концептуальной системе языкового носителя, которая являет собой целесообразный, автоматически запущенный природой процесс по переработке и хранению информации (Павиленис, 1983). Образование этой системы Р. Павиленис связывает с невербальными концептами. Их интеллектуальный статус определяется тем, что, поступая по чувственным каналам восприятия на уровне совокупности ощущений (накопление информации), внутри системы эти невербальные концепты трансформируются в отдельность впечатлений (переработка информации). В свою очередь, вербальные концепты образуются в связи с потребностью кодировать невербальный опыт и манипулировать им через манипулирование вербальными символами. При этом процесс взаимодействия невербальных и вербальных концептов Р. Павиленис связывает с опытом интерпретации.

Другими словами, речь идет о двух сторонах психики языкового носителя, в рамках которой невербальные концепты индивидуальной концептуальной системы коррелируют с эмоциональным сознанием,

обладающим интеллектуальным статусом, вербальные концепты – с сознанием рациональным, которое также насквозь интеллектуально. То обстоятельство, что и в том, и в другом случае в числе базовых функций сознания оказываются адаптирующая и регулирующая функции, делает необходимым обращение к работе Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» (Фромм, 1994), а точнее, к идее так называемой биологически адаптивной агрессии, которая является реакцией на угрозу витальным интересам индивида.

По мысли Э. Фромма, такая агрессия заложена в филогенезе, а потому свойственна как животным, так и людям (современным лингвистическим исследованием, посвящённым вербальной и невербальной реализации бессознательного инстинкта человека, под обобщённым названием «агрессия», можно назвать работу Я.А. Волковой (Волкова, 2014)). Поскольку с концептом «агрессия» самым тесным образом взаимодействуют концепты «добро» и «зло», их противоборство является одной из мотивационных основ агрессии, которая в настоящее время возгоняется на всех материках и континентах, независимо от социального устройства страны. Человеческое общество во всём его многоязычии всё больше скатывается к агрессивной форме общения и, к сожалению, не только вербальной, но и акциональной, т.е. к военной. Одним из последствий такой агрессии является глобальная милитаризация человеческого сознания). Поскольку в обоих случаях биологически адаптивная агрессия отличается спонтанностью и непосредственностью эмоционального выражения, речь идет о первой природе (натуре) человека, определяемой рефлексамии или иначе – инстинктами. Актуализация второй природы (натуры) человека снимает вопрос о витальных интересах, в том числе об инстинкте самосохранения, что исключает возможность проявления упомянутой ранее агрессии. Имеется в виду человеческий характер как «относительно постоянная система всех неинстинктивных влечений (стремлений и интересов)» (Фромм, 1994: 310), обусловленная опытом рефлексии.

Отталкиваясь от положения, согласно которому «определенные концепты высокого уровня абстракции – такие, например, как “жить”, “обладать”, – генетически заложены в инструментарий мозга маленького ребенка» (Деннет, 2001: 195), вполне допустимой видится возможность соотнесения индивидуальной концептуальной системы языкового носителя, которая, напомним, есть не что иное, как «автоматически запущенный природой целесообразный процесс», с *первой натурой* человека. Имеется в виду такой человек, который, по словам Блаженного Августина, будучи рожденным «от осужденного отростка, сначала по необходимости бывает по Адаму – злым и плотским...» (цит. по: Рагимов, 2013: 40). Напротив, *вторая натура* являет собой неотъемлемое качество человека, который, «возродившись, возрастает во Христа, становясь добрым и духовным...» (там же).

Поскольку вторая натура невозможна без природы первой, мысль Блаженного Августина о том, что «хотя не всякий злой человек будет добрым, никто, однако, не будет добрым, кто не был злым» (там же) может быть прокомментирована следующим образом. Первая природа (натура) человека есть то зло, которое служит реальной почвой для возможного добра. В силу того, что такое добро существует лишь в потенции, тот, чьи действия определяются первой природой, должен приложить определенные усилия, для того чтобы выйти за ее границы, обретая устойчивость на уровне второй природы или, что то же – в пространстве духа. В данном контексте весьма показательным видится тот факт, что этимология лексемы «учить» определяется дефиницией «укрощать». На наш взгляд, речь идет об укрощении первой природы человека или, вернее, об укрощении зверя в «зверочеловеке». Применяв метод анализа словарных дефиниций интересующей нас лексемы, В.С. Попова приходит к выводу о том, что «выведенная цепочка признаков» лексемы «учить» отражает «каркас зарождающегося концепта», в котором «присутствует предмет/явление (“учение/наука”), подлежащие освоению в ходе методичных воздействий

(“приучать”, “укрощать”)... Действия, направленные на достижение определенного результата (“смирный” – подчинение своей воле), носят как силовой (“укрощать”) характер, так допускают и некоторое лукавство (“приманка”), чтобы процесс доставлял позитивное чувственное восприятие (“удовольствие”) (Попова, 2012).

В свою очередь, лексема «воспитывать» (педагог – от греч. *paidagogos* – воспитатель) изначально коррелирует с глаголом «воскормлять», т.е. кормить и поить до определенного возраста. Поскольку в православной традиции глагол «воскормлять» синонимичен глаголу «окормлять», т.е. способствовать духовному росту, становится очевидным, что процесс воспитания предполагает не столько физическое возвращение ребенка, сколько духовное, свидетельством чему может служить приставка «вос-». Отталкиваясь от значений слов с таким же компонентом – «восхождение», «воспарение» – нельзя не признать, что обозначенная приставка задает определенный вектор интересующему нас процессу (Воспитание web).

Попробуем предположить, что «позитивное чувственное восприятие» в процессе укрощения и корректировки первой природы человека во многом обусловлено развитием, а также освоением и использованием вербальных концептов. Напомним, что, согласно Р. Павиленису, вербальные концепты призваны кодировать невербальные элементы системы, с тем чтобы посредством манипуляции вербальными элементами манипулировать чувственным опытом. Подобное положение дел позволяет говорить о наличии корреляции между вербальными концептами системы и областью актуальных эмотивов – эмотивным значением и эмотивной коннотацией. Другими словами, речь в данном случае идет о развитии интеллекта носителя индивидуальной концептуальной системы, напрямую связанного со становлением языковой компетенции последнего, что обеспечивает такому носителю ряд преимуществ перед теми, кто обозначенной компетенцией не обладает. Тот факт, что одну из главных ролей в обусловленном природой становлении играет эмотивность, определяется следующим: процесс

развития значений, равно как и процесс усвоения и использования прежних значений, невозможен без человеческой эмоции, обретающей свое воплощение в слове (Шаховский, 2008).

Поскольку становление языковой компетенции осуществляется на уровне познающей деятельности сознания, развитие интеллекта – это первая задача, которую ставил перед сознанием А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1983). Возвращаясь к мысли Блаженного Августина о том, что «никто, однако, не будет добрым, кто не был злым», заметим: зло, которое несет в себе первая природа, непосредственно отвечающая за осуществление познающей деятельности сознания, обусловлено рядом моментов. Во-первых, поскольку вербальные концепты системы соотносятся с *ratio*, собственно интеллект начинает доминировать на уровне целого, на самом деле являясь лишь частью индивидуальной концептуальной системы. Созданию подобной иллюзии способствует тот факт, что значение – «представитель и носитель культуры» (Богин, 1993: 75). Далее, успешность решения сознанием первой задачи, о которой говорит А.Н. Леонтьев, целиком и полностью определяется процессом самоорганизации системы (напомним, индивидуальная концептуальная система языкового носителя – автоматически запущенный природой процесс), что предопределяет пассивный характер собственно человеческого сознания. Отсюда третий момент, раскрывающий специфику зла, о котором упоминал Блаженный Августин: вместо подлинной деятельности (мыследеятельности), осуществляемой изнутри поступающим сознанием (Бахтин, 1994: 11-68), коррелирующий с вербальными концептами интеллект создает лишь видимость деятельности. Суть последней заключается в следующем: вопреки тому, что эмотивность становится единственным ключом, открывающим доступ к усвоению и использованию прежних, а также развитию новых значений, языковой носитель в силу ограниченности интеллекта не в состоянии изнутри пережить суть феномена эмотивности, что предельно формализует «работу» с эмотивными сигналами. Другими словами, «потребляя» эмотивность исключительно на уровне

данности, индивид в действительности овладевает лишь «равнодушными значениями» (А.Н. Леонтьев).

Подобный опыт в трудах Ги Дебора получил название симулякра – характерной приметы общества спектакля. Не случайно Ги Дебор позиционирует современный социальный организм, отмеченный раздробленной, лишенной своей изначальной целостности реальностью, как «особый псевдо-мир, подлежащий только созерцанию» (Дебор web). Фиксируя внимание на том, что «специализация образов мира оказывается завершенной в ставшем автономным мире образов, где обманщик лжет себе самому» (там же), социолог, по сути, подводит нас к пониманию неизбежности весьма важного утверждения. В процессе познающей, сугубо рациональной деятельности сознания происходит игнорирование коррелирующего с невербальными элементами концептуальной системы сознания эмоционального. Его непреходящая ценность особенно отчетливо осознается в трудах В. фон Гумбольдта: именно невербальную составляющую сознания ученый рассматривал как собственно язык, аргументируя свою точку зрения следующим образом: «Она есть тот аспект, ради которого языковое творчество пользуется звуковой формой, и на эту сторону языка опирается его способность наделять выражением все то, что стремятся верить ему, по мере прогрессивного развития идей, величайшие умы позднейших поколений» (Гумбольдт, 1984: 100).

Соответственно, точка зрения Ги Дебора, квалифицирующего спектакль как конкретную инверсию жизни, как «автономное движение неживого» (Дебор web), означает лишь одно. Опираясь на актуальные мотивы, точнее, паразитируя на их наличной данности, языковой носитель утрачивает возможность проникнуть в пространство духа. Однако лишь в последнем заключен источник не только всякого подлинного знания, но и сугубо человеческой способности удивляться и замирать в священном трепете перед непостижимостью тайны творчества. Поскольку в переживании этого прикосновения к чуду отсутствует какой бы то ни было

эгоизм, проявляющий себя на уровне «зверочеловека» исключительно в качестве «шкурного» интереса, собственно эмоция удовольствия, столь важная в процессе обучения, нацеленного на укрощение первой природы индивида, трансформируется в исполненное радости чувство причастности к бытию. Принимая во внимание тот факт, что именно бескорыстие выступает знаком «чистого» мышления как собственно человеческого в человеке, нельзя не признать верность следующего положения. Тот, чьи помыслы нацелены исключительно на удовлетворение своих собственных витальных интересов, какой бы сферы деятельности это ни касалось, остается мертвецом, ибо, повторяя путь особи, активизирует в себе лишь зверя в ущерб человеку, который в иных случаях так никогда и не рождается. Другими словами, поиск своего места под солнцем оборачивается для таких людей историей их *нежизни*, что и дает в итоге основание Ги Дебору говорить о корреляции современного социума и спектакля. В рамках последнего «и само общество, и часть общества, и инструмент унификации общества» с неизменностью выступает «средоточием заблуждающегося взгляда и ложного сознания» (о лингвистическом аспекте злонамеренной лжи в её бесчисленных разновидностях см.: (Шаховский, 2016) (Дебор web).

Вот почему, отдавая себе отчет в ущербности сознания, осуществляющего исключительно познающую деятельность, А.Н. Леонтьев говорит о насущной необходимости ставить перед сознанием вторую задачу – задачу на смысл. Принципиальным в данном контексте оказывается тот факт, что искомая задача решается в два действия:

- первое действие нацелено на уход от «равнодушного значения» к «значению для меня» (А.Н. Леонтьев пишет об «открытии значения для меня»);

- второе действие нацелено на выражение открытого «для меня» значения (Леонтьев, 1983).

Несмотря на то, что, решая вторую задачу, сознание реализует себя уже как смыслообразующее сознание, эмотивность и в этом случае выступает в

качестве «пускового механизма», но лишь с одной оговоркой. В противоположность актуальным эмоциям, играющим одну из главных ролей в осуществлении познающей деятельности сознания, смыслообразующая деятельность сознания напрямую связана с виртуальными эмоциями. Каким образом решение второй задачи ставится в зависимость от эмотивного потенциала? Прежде, чем мы ответим на поставленный вопрос, обратим внимание на то, что в отличие от эмотивного значения и эмотивной коннотации, которые существуют на уровне данности, эмотивный потенциал никогда не дан, но лишь задан. Соответственно, в противоположность первой задаче, решение которой осуществляется на уровне самоорганизации системы, что оставляет сознание ее носителя в пассивном состоянии, решение второй задачи невозможно без проявляемой со стороны сознания активности. В силу того, что такое активное сознание является, по словам М.М. Бахтина, сознанием поступающим, становится очевидным, что в этом случае сознание должно действовать вопреки действию автоматически запущенного природой процесса.

Другими словами, если образование концептуальной системы начинается с невербальных элементов, которые впоследствии кодируются вербальными элементами, то обратными природному процессу будут следующие процедурные нормы:

- 1) декодирование вербальных элементов системы невербальными элементами;
- 2) кодирование невербальных элементов системы вербальными элементами.

Результатом такого обратного природной данности процесса будет отказ от самоорганизации системы в пользу ее – системы – организации, реализация которой осуществляется посредством акта самосознания или, как это ранее упоминалось, рефлексии (от лат. *reflexio* – обращение назад). В этом случае на смену интерпретации, обеспечивающей функционирование индивидуальной концептуальной системы языкового носителя на уровне его

первой природы (натуры), приходит реинтерпретация (подробнее по данному вопросу см. (Волкова, 2008; Ионова, 2013: 27-33)). Поскольку латинская приставка «ге-» означает одновременно ‘возврат’ и ‘отказ’, а также ‘повторение’, ‘переосмысление’, суть реинтерпретации, осуществляемой внутри индивидуальной концептуальной системы, заключается в следующем: декодирование вербальных элементов системы невербальными элементами обуславливает уход от «равнодушных значений» к открытию значения «для меня». Косвенной иллюстрацией опыта реинтерпретации, осуществляемого внутри индивидуальной концептуальной системы языкового носителя, будет реинтерпретация, реализованная во внешнем социальном пространстве. Имеется в виду художественное творчество, осмысление которого требует возвращения назад, к тому первоисточнику, который послужил дейктиком, т.е. точкой отсчета в работе современного автора. В частности, полотно «Едоки картофеля» (2006) В. Пивоварова отсылает нашу память к «Едокам картофеля» (1885) Ван Гога. Если у Ван Гога изображение людей труда, чьи руки от изнурительной работы в поле темнее дымящихся на блюде клубней картофеля, но помыслы которых светлы и чисты, о чем свидетельствуют не только вымытые добела кофейные чашки, а также кипенно-белые чепцы на головах женщин, но и те забота, участие и доброта, которые угадываются в особой атмосфере дружелюбия и духовной близости, что позволяет провести аналогию между собравшимися за ужином шахтерами и «святым семейством», то наш современник тотально переосмысливает этот классический образец. В центре его картины – пытающиеся прийти в себя после разгульной ночи мужчины, склонившиеся над блюдом с лимоном. То обстоятельство, что хилые руки персонажей находятся под столом, позволяет зрителю опознать в них людей умственного труда. Однако, поскольку внешний вид «героев» В. Пивоварова весьма отталкивающий, невольно задумываешься о том, каково будущее страны, о котором призваны думать подобные чиновники. Пусть руки у изображенных на картине мужчин не замараны грязной работой, их облик мало отвечает

образу государственного мужа, вследствие чего зритель не готов поверить в их «благие намерения», которые в картине не эксплицируются, но эмотивно-коннотативно имплицитуются.

Возвращаясь к процессу декодирования вербальных элементов системы ее невербальными элементами, что обуславливает уход от «равнодушных значений» к открытию значения «для меня», заметим, что это первое действие определяется нами актуализацией эмотивного потенциала, осуществляемой на уровне невербальных элементов индивидуальной концептуальной системы. Подобный опыт В.К. Вилюнас связывал с выходом на эмоционально-непосредственный личностный смысл (Вилюнас, 1976). Поскольку без дополнительного развития в языке такой эмоционально-непосредственный личностный смысл, как правило, отмечен весьма неустойчивым характером (по этому поводу весьма своеобразно высказался Ф. Искандер: «Если ты думаешь так, но не осмеливаешься сказать, что думаешь так, на самом деле ты только думаешь, что думаешь так, но думаешь иначе» (Искандер web), наше сознание оказывается поставленным перед необходимостью выполнить второе действие – выражение открытого «для меня» значения.

Имеется в виду установка сознания на актуализацию вербализованного личностного смысла, осуществляемую либо через эмотивное значение, либо через эмотивную коннотацию. Примеров эмоциональной памяти человека, а также примеров эмоциональных следов этой памяти из прошлых зрительных образов и прошлых эмоциональных акциональных действий, хранящихся в концептуальном депозитарии человека, которые могут оказаться востребованными в сиюминутный период общения и нуждаются в вербальной презентации (narration), достаточно много в современной коммуникации. Нарратив прошлого невербального события по сути дела является вербальным пересказом, иными словами, другой интерпретацией прошедшего события, вызвавшего в прошлом сильное эмоциональное переживание. Лингвистикой эмоций доказано, что эмоциональные

переживания прошлого могут реинтерпретироваться с разной градацией силы переживания. Как правило, прошлые бурные эмоциональные переживания с течением времени блекнут. На это, в частности, указывают сильные по эмоциональной эмпатии любовные тексты песен, с течением времени потерявшие свою экспрессию и прагматику в связи с ушедшей любовью. Другим примером реинтерпретации является сравнение лужковской новации по замене ветхого жилья с собянинской реновацией. Совершенно нейтральное слово «реновация» в данном социальном дискурсе трансформируется из нейтральной семантики в эмоционально-коннотативно-негативную, а для некоторых переселенцев в явно негативно-аффективную.

Почему столь ясно очерченный путь ухода от языкового носителя к мыслеречевому субъекту оказывается столь труден? Дело в том, что опосредованные языком невербальные элементы индивидуальной концептуальной системы, в рамках которой происходит восстановление значения мотивационной обусловленности смысла, будучи отторгнутыми изнутри, с неизбежностью оборачиваются ложью для любого другого языкового носителя. Подобное положение дел видится вполне закономерным: в ситуации с невербализованным личностным смыслом его (смысла) мотивационная обусловленность выступает прямо, вне опосредования вербальными элементами. Именно поэтому верной представляется мысль М.К. Мамардашвили, который настаивал на том, что человек – это процесс непрерывного зановорождения (Мамардашвили, 1991). Игнорирование этого задания приводит к тому, что, паразитирующий на своей первой природе индивид – имеется в виду функционирующая на уровне самоорганизации индивидуальная концептуальная система – в действительности обречен исключительно на материальное существование, будучи целиком и полностью зависимым от накладываемых природой границ, что делает языкового носителя рабом своих страстей.

Недопустимость отождествлять человеческое Я исключительно с интеллектом обусловлена ситуацией, ложность которой опознается

следующим образом. Будучи вторичным по отношению к невербальным элементам системы, интеллект, деятельность которого реализуется посредством вербальных концептов, тщится занять в реальной жизни языкового носителя доминирующее положение. Фактически же, отпадая от «новозаветной» целостности, языковой носитель исключает для себя возможность перехода от «равнодушного», т.е. мертвого значения к «значению для меня», т.е. личностному смыслу, который выступает аналогом живого слова. Именно последнее и обеспечивает соответствие человека образу и подобию, вследствие чего такое живое Слово пишется на страницах одной из главных книг христиан с прописной буквы, выступая символом самого Творца. Более того, активность сознания как коррелят бодрствующего духа не позволяет мыслеречевому субъекту сползти вниз, к первой природе, которая делает языкового носителя заложником своих инстинктов.

В ракурсе библейской традиции необходимость непрерывного духовного бодрствования вызвана следующим обстоятельством. Неся на себе первородный грех, который обусловлен автоматическим (механическим) характером запущенного природой процесса накопления и переработки информации, мы должны отдавать себе отчет в том, что данный процесс – лишь ступенька на пути к обретению человеческого в зверчеловеке. По сути, столь необходимое вочеловечивание зверя есть не что иное, как встреча человека с самим собой или иначе – с божественным Логосом. Имеется в виду выход на внутреннюю социальность, которая опознается в ситуации, когда «Я-единственный из себя исхожу, а всех других нахожу...» (Бахтин, 1994: 66). Потому актуализация второй, сугубо духовной природы человека исключает какой бы то ни было «шкурный» интерес. В отличие от эмоциональных реакций обладающего первой природой языкового носителя, отмеченных своекорыстным характером той оценки действительности, информацию о которой поставляет индивидуальная концептуальная система, в деятельности оценивания, осуществляемой на уровне второй природы

человека, «почти всякий след эгоистической оценки исчезает» (Потебня, 1999: 73).

Принимая во внимание тот факт, что именно выход на внутреннюю социальность являет собой такую истину, которая предстает в качестве противоположного эмпирическому объекту продукта, вполне оправданным видится позиционирование блуждающего в потемках первой природы языкового носителя в качестве ученика дьявола (напомним, дьявол в переводе с греческого – лжец). Суть дьявольского измышления опознается в том, что столь необходимое для полноценной жизнедеятельности сознания отделение зверя от человека, которое не получает своей реализации во внутреннем пространстве личности, приводит к деформации «совокупной социальной практики, расщепляющейся на образ и действительность» (Дебор web). При этом кажущаяся деятельность познающего сознания, точнее, тень деятельности, определяется в качестве главной цели совокупных усилий граждан. В итоге взаимное отчуждение невербальных концептов системы от ее вербальных концептов приводит к тому, что «в реально обращенном мире истина оборачивается ложью» (там же).

Досадуя, что в условиях тотальной espectacularности именно зрение оказывается в привилегированном положении по отношению к другим модальностям, Ги Дебор словно забывает, что зрение выступает здесь аналогом интеллекта (Грегори, 1972). Потому собственно спектакль являет собой монолог, базирующийся «на непрерывном разворачивании точной технической рациональности». Последняя, в свою очередь, есть «дурной сон закабаленного современного общества» (Дебор web). Подчеркнем, что сон здесь выступает знаком пассивности сознания совокупного социального субъекта, довольствующегося в силу собственного неведения, своей первой природой. Не случайно М.М. Бахтин определял зазор между внешней и внутренней речью как дьявольское изобретение, подчеркивая, что такой зазор субстанционально возникает раньше, чем возникает собственно внутренняя речь (цит. по: Пешков, 1998: 52).

Опираясь в обсуждаемом вопросе на концепцию К.Г. Юнга (Юнг, 1992), можно сделать следующее предположение: индивидуальная концептуальная система – это природная данность, представленная единством индивидуального сознания (вербальные концепты) и коллективного бессознательного (невербальные концепты). Их механическая, обусловленная природой целостность – ветхозаветный Адам. Тогда же, когда речь идет о подлинно «ручной», не механической деятельности, имеется в виду ситуация, в рамках которой мыслеречевой субъект, зная о наличии в себе и индивидуального сознания, и коллективного бессознательного, преодолевает их обособленность друг от друга, выходя в пространство духа.

Преодоление обособленности одного типа сознания от другого или, как пишет Р. Павиленис, релевантной несовместимости невербальных и вербальных элементов индивидуальной концептуальной системы есть не что иное, как «диалог сознаний» (М.М. Бахтин). Имеется в виду согласование противоречия, существующего между индивидуальным сознанием (вербальные концепты системы) и коллективным бессознательным (невербальные концепты системы) (подробнее по данному вопросу см.: (Шаховский, 2008)). Результативность такого согласования опознается в том, что, с одной стороны, индивидуальное Я снимает негативность бессознательного в коллективном, с другой, – очищенное от бессознательности коллективное преодолевает индивидуализм Я. В итоге сознательное Я обретает коллективный характер.

Возвращаясь к категории эмотивности, важно оговорить, что знаком индивидуального сознания выступают актуальные эмотивы, функционирующие на уровне «равнодушных значений» (А.Н. Леонтьев), знаком коллективного бессознательного – эмотивный потенциал. И лишь в случае актуализации личностного смысла или, как его называет А.Н. Леонтьев, «значения для меня», опредмеченного в мыслеречевой деятельности конкретного субъекта, мы можем говорить о рождении

подлинной личности, которая в терминологии К.-Г. Юнга квалифицируется как *Homo totus*.

Выводы

Подытоживая все вышеизложенное, обратим внимание на наиболее значимые положения, полученные в результате предпринятой работы.

1. Осмысление роли эмотивности в познающей и смыслообразующей деятельности сознания потребовало выхода за пределы психолингвистики и лингвистики эмоций в пространство полипарадигмальности. С учетом того, что долингвистическая категория эмоциональности при переходе к лингвистической парадигме её исследования трансформируется в лингвистическую категорию эмотивности, при изучении индивидуальной концептуальной системы обе категории оказываются одинаково важными в силу их нерасторжимой связи: человек говорит и переживает одновременно. Другими словами, *cognitio* и *emotio* идут рука об руку во всех процессах сознания и речемышления лишь с одной оговоркой. Осуществляя познающую деятельность сознания, носитель языка имеет дело с эмоцией в ее непосредственной данности (первая природа человека). Напротив, смыслообразующая деятельность сознания порождает эмоцию эмоции, т.е. опосредованное *ratio* сугубо человеческое чувство (вторая природа человека). В этом и заключается невероятная сложность человеческого научного осмысления данной коллизии и её идентификации.

2. Зло, которое имманентно человеку, функционируя на уровне самоорганизации индивидуальной концептуальной системы, есть одновременно добро, обуславливающее процесс ее (системы) организации со стороны мыслеречевого субъекта. При этом эмотивность уже на уровне вербальной коммуникации в её трёх ипостасях выступает источником взаимобратимости самоорганизации и организации, что в современном сознании находит свое воплощение в лексеме *злобрó*. Дело главным образом заключается лишь в пропорции добра и зла в экологическом дискурсе сознания.

3. В статье показано, что человек – не *данность*, а потенциально коммуникативное *задание*, суть которого определяется движением от интерпретации к реинтерпретации, от равнодушного значения к значению лично для меня, для моих психоэмоциональных и коммуникативных перспектив, от обособленного сознания к сознанию целостному, от познающего сознания к сознанию смыслообразующему.

4. Поскольку обретение коллективного характера индивидуальным Я напрямую связано с выходом на внутреннюю социальность, именно в данном случае происходит отказ от первой (животной) природы человека в пользу его второй, сугубо человеческой природы. Последняя реализует себя в единстве рационального и эмоционального, вербального и невербального, опознаваемом на уровне диалога сознаний.

5. Подобное положение дел позволяет с максимальной честностью признать, что на сегодняшний день фокус научного интереса представителей современных наук должен быть, по нашему мнению, сосредоточен на поиске ответа на один-единственный вопрос. Этот вопрос мы бы сформулировали так: каким образом добиться того, чтобы воспитание языковой личности было максимально приближено к предметному обучению в новом социально-экономическом, политическом и экологическом дискурсах, чтобы обеспечить современному и последующим поколениям устойчивость в пространстве духа и адекватного общения, достигающего адекватных прагматических целей всех речевых партнёров.

6. Главный результат данного исследования заключается в том, что эмоциональность и эмотивность являются основополагающим принципом познающей и смыслообразующей деятельности сознания, выступая в качестве методологической базы, обеспечивающей диалог сознаний и способствующей очеловечиванию общения всех видов, типов и жанров. Это, по нашему замыслу, – цель возвращения человека к *Homo Sapiens*.

Ссылки – References in Russian

Бахтин, 1994 – *Бахтин М.М.* К философии поступка // Работы 1920-х годов. Киев: «Next», 1994. С. 11–68.

Богин, 1993 – *Богин Г.И.* Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь: ТГТУ, 1993.

Вилюнас, 1976 – *Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М.: МГУ, 1976.

Волкова, 2008 – *Волкова П.С.* Реинтерпретация художественного текста (на материале искусства XX века). Краснодар: ООО Издательский дом «ХОРС», 2008.

Волкова, 2014 – *Волкова Я.А.* Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014.

Воспитание web – *Воспитание*. Режим доступа: http://studopedia.ru/5_34338_semanti-cheskie-izmene-niya-ponyatiya.html

Горошко, 2001 – *Горошко Е.И.* Языковое сознание (ассоциативная парадигма): автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 2001.

Грегори, 1972 – *Грегори Р.* Разумный глаз. М.: Мир, 1972.

Гумбольдт, 1984 – *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М. Прогресс, 1984.

Дебор Ги web – *Дебор Ги.* Общество спектакля. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=90678&p=1>

Деннет, 2001 – *Деннет Д.С.* Фон языка в мышлении // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Хрестоматия. Барнаул: Алт. ун-т, 2001. С. 190–198.

Изард, 1980 – *Изард К.* Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Ионова, 2013 – *Ионова С.В.* Традиционные и новые формы лингвистической вторичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 27–33.

Искандер web – *Искандер Ф.А.* Сюжет существования. Режим доступа: <http://online-knigi.com/page/12664>

Леонтьев, 1974 – *Леонтьев А.Н.* Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 5-20.

Леонтьев, 1975 – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев, 1983 – *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х тт. М.: Педагогика, 1983.

Мамардашвили, 1991 – *Мамардашвили М.К.* Проблема человека в философии // М.К. Мамардашвили. О человеческом в человеке. М.: Политиздат, 1991. С. 8–20.

Павиленис, 1983 – *Павиленис Р.* Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.

Пешков, 1998 – *Пешков И.В.* Враг на службе прогресса – отклик на книгу «Сад демонов» – *Horius daemonum*: словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения (автор-составитель Александр Евгеньевич Махов) // И.В. Пешков. Введение в риторику поступка. М.: Лабиринт, 1998. С. 42–54.

Попова, 2012 – *Попова С.В.* Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2012. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/lingvokulturnyy-tipazh-shkolnaya-uchitelnitsa>

Потебня, 1999 – *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.

Пенфильд, Робертс, 1964 – *Пенфильд В., Робертс Л.* Речь и мозговые механизмы. Л.: Медицина, 1964.

Рагимов, 2013 – *Рагимов И.М.* Философия преступления и наказания. СПб. ИД Р. Асланова «Юридический центр», 2013.

Уфимцева, 2000 – *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 207–220.

Фромм, 1994 – *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

Фрумкина, 2000 – *Фрумкина Р.М.* Размышления о самосознании лингвистов и филологов (этические аспекты) // Интеллектуальный форум, 2000, № 3. С. 153-171.

Шаховский, 2008 – *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008.

Шаховский, 2016 – *Шаховский В.И.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции: Монография. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016.

Юнг, 1992 – *Юнг К.Г.* Феномен духа в науке и искусстве. Собр. соч.: В 19-ти т. Т.15. М.: Ренессанс, 1992.

References

Bally, Ch. (1944) *Linguistique générale et la linguistique française*. Paris: Ernest Leroux.

Bakhtin, M. (1994) To the philosophy of the act //M.M. Bakhtin. *Works of the 1920-ies*, Kiev, Next, pp. 11–68 (in Russian).

Binet, A. (1946) *L'amour et l'emotion chez la femme, esquisse psychophysiological*, Paris, Vigot frères.

Bogin, G. (1993) *The substantial side of text understanding*. Tver, TGTU (in Russian).

Viliunas, V. (1976) *Psychology of emotional phenomena*, M., MGU (in Russian).

Volkova, P. (2008) *The reinterpretation of the literary text (on the material of art of the twentieth century)*, Krasnodar: ООО Izdatelskii dom «KhORS» (in Russian).

Volkova, Ia. (2014) *Destructive communication in the cognitive-discursive aspect: doctoral dissertation*, Volgograd (in Russian).

Vospitanie Upbringing // http://studopedia.ru/5_34338_semanti-cheskie-izmene-niya-ponyatiya.html (in Russian).

Goleman, D. (1997) *The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ?* Bentam Books.

Goroshko, E. (2001). *Language consciousness (associative paradigm):* abstracts of doctoral dissertation, M., 2001(in Russian).

Gray, W. (1973) Emotional-cognitive structuring: A new theory of mind // Gray W. (ed.). *Forum for correspondence and contact*, V. 5, P. 1–6.

Gregori, R. (1972) *Reasonable eyes*. M., Mir (in Russian).

Gumbol'dt, V. (1984) *Selected works on linguistics*, M, Progress.

Debor, Gi. Web *The society of the spectacle*. Access mode: <https://www.litmir.me/br/?b=90678&p=1>

Dennet, D. (2001) Language background in thinking] // *Cognitive studies in linguistics and foreign psychology*, Khrestomatia, Barnaul, Alt. un-t, pp. 190–198 (in Russian).

Izard, K. (1980) *Human emotions*, M.: Izd-vo MGU.

Ionova, S. (2013) Traditional and new forms of linguistic secondariness // *Bulletin of Volgograd state University*, Seria 2, Iazykoznanie, № 3 (19), pp. 27–33 (in Russian).

Iskander, F. (1999) *The story of existence* // <http://online-knigi.com/page/12664> (in Russian).

Leont'ev, A. (1974) The general concept of working, fundamentals of the theory of speech activity // *Fundamentals of speech activity theory*, M., Nauka, pp. 5–20 (in Russian).

Leontev, A. (1975) *Activity. Consciousness. Personality*, M., Politizdat (in Russian).

Leontev, A. (1983) *Selected psychological works*, In 2 Vlms, V 2-kh tt, M., Pedagogika (in Russian).

Mamardashvili, M. *The problem of man in philosophy* // About the human in man, M., Politizdat, pp. 8–20 (in Russian).

Pavilenis, R. (1983) *The problem of meaning*. M.: Mysl (in Russian).

Peshkov, I. (1998) *Enemy for progress – the response to the book “The garden of demons” – Hortus daemonum: a dictionary of the infernal mythology of the Middle Ages and Renaissance (the author-composer Alexander E. Makhov) // Introduction to rhetoric act, M., Labirint, pp. 42–54 (in Russian).*

Popova, S. (2012) *Linguo-cultural type “school teacher”: the subjective positioning: candidate dissertation. Astrakhan, 2012 // <http://cheloveknauka.com/lingvokulturnyy-tipazh-shkolnaya-uchitel'nitsa> (in Russian).*

Potebnia, A. (1999) *Thought and language, M., Labirint (in Russian).*

Penfield, V., Roberts, L. (1964) *Speech and brain mechanisms, L., Meditsina.*

Ragimov, I. (2013) *Philosophy of crime and punishment, SPb, ID R. Aslanova «Juridicheskii tsentr» (in Russian).*

Ufimtseva, N. (2000) *Language consciousness and image of the world of the Slavic // Language consciousness and image of the world, M., pp. 207–220 (in Russian).*

Fromm, E. (1994) *Anatomy of human destructiveness, M., Respublika.*

Frumkina, R. (2000) *Reflections on of linguists and philologists consciousness (ethical aspects) // Intellectual forum, № 3, pp. 153–171 (in Russian).*

Shakhovskii, V. (2008) *Linguistic theory of emotions. Volgograd, Izd-vo VGPU «Peremena» (in Russian).*

Shakhovskii, V. (2016) *Ecological dissonance in a communicative circle: man, language, emotions, Volgograd, Izd-vo IP Polikarpov I.L. (in Russian).*

Iung, K. (1992) *The phenomenon of spirit in science and art, Collected works, 19 Vols, V.15, M., Renessans.*